

УДК 340.01

ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: УРОВНИ И ПРЕДЕЛЫ

© 2019 г. Б.В. Макогон

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В статье рассматриваются ограничения государственной власти, представленные в виде системы, сконструированной на основании выделения их базовых уровней в зависимости от места в системе социального регулирования. Автором выстраивается трехэлементный комплекс, в котором уровень аксиологический видится детерминирующим, самоограничительный – опосредующим, а адресный – конкретизирующим.

Ключевые слова: ограничения, ограничения государственной власти, публичная власть, ограничения публичной власти, властные субъекты.

The article considers the limitations of state power presented in the form of a system designed on the basis of the allocation of their basic levels depending on the place in the system of social regulation. The author constructs a three-element complex in which the axiological level is seen as determinative, self-limiting - mediating, and address - specific.

Keywords: restrictions, restrictions of state power, public authority, restrictions of public authority, power subjects.

Ограничения власти присущи всем этапам развития социума. В этой связи, разделяя мнение А. В. Малько, заметим, что еще в условиях первобытнообщинной общественно-экономической формации сформировалась особая нормативная регулятивная система, включающая в себя ограничения, сдерживающие различные инстинкты биологической природы, нормы-запреты, нормы-ограничения [1]. Подобной позиции придерживается И. А. Покровский, говорящий в своих трудах об имеющихся в той или иной мере в рамках любого исторического периода ограничениях (ограничения в интересах соседей и в интересах общего блага) [2].

Систематизируя сложившиеся ограничения государственной власти, в зависимости от места в системе социального регулирования нами выделены три их базовых уровня – аксиологический; самоограничительный; адресный.

1. Ограничения аксиологического уровня мы связываем с обозначением пределов функционирования системы публичной власти через стремящийся к доминированию комплекс субъективных прав и свобод личности, детерминирующих соответствующие обязанности государственных органов и должностных лиц. При этом одним из наиболее значимых качеств обозначенной системы является соразмерность прав и обязанностей. Трансформация прав в обязанности (к примеру, свободы труда – в обязанность иметь официальный статус трудоустроенного человека) носит откровенно этатистский, антиправовой характер.

Типичным для современных правовых демократических государств является конституционное закрепление комплекса прав и свобод человека и гражданина. Здесь же отметим соответствующий ресурс конституционной преамбулы [3]. Современная Россия в этом контексте исключением не является. Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью закреплено в ст. 2 ее основного закона. Здесь же в качестве обязанности государства определены их признание, соблюдение и защита. Как следствие, правам и законным интересам человека принадлежит приоритет в сложной системе взаимоотношений человек-общество-государство [4; 5]. В данном контексте важнейшее значение имеет ст. 18 российской Конституции, нормами которой в качестве «мерила» деятельности законодательной, исполнительной власти, применения законов, местного самоуправления и правосудия объявлены именно права и свободы человека и гражданина.

Уточним, что рассматриваемый уровень ограничений государственной власти нами не связывается с ограничением субъективных прав. В этом случае считаем оправданным разделить точку зрения Б. С. Эбзеева и подразумеваем, что имманентные пределы базовых прав и свобод определены конституцией и очерчивают границы свободы индивидов и их ассоциаций, признаваемой и защищаемой основным законом; представляют собой нормативное содержание

какого-либо права человека или гражданина, состав заключенных в нем правомочий, а также систему гарантий [6].

Закрепленные в Конституции Российской Федерации основные права наделяют государство не только лишь объективно пассивной обязанностью невмешательства в микросферы, определенные пределами свободы личности, индивида, но и активной обязанностью, заключающейся в правотворческой (в частности – законотворческой), судебной, а также общей и конкретно-управленческой деятельности, направленной на содействие реализации прав и свобод, принадлежащих индивиду [6]. Здесь уместно привести позицию М. В. Мархгейм относительно сложностей методологического порядка, возникающих при «традиционном исследовании комплекса проблем в сфере прав человека с учетом триединой конституционной обязанности Российского государства по отношению к правам и свободам человека и гражданина (признание-соблюдение-защита)» [7]. Выход из сложившейся теоретической и проблемно-практической ситуации связывается с «необходимостью самостоятельного изучения каждой из названных Конституцией Российской Федерации составляющих – признание, соблюдение, защита» [7].

Следует уточнить, что, в отличие от индивидуально-личной свободы, субъективное право во всех случаях транслирует параллельно функционирующему в рамках правового поля субъекту триединую обязанность: непосредственно реализовать это право, содействовать (способствовать) претворению, воплощению его в жизнь или же в своей деятельности не препятствовать его реализации. Социальные связи в публично-властной сфере практически легитимизируются, обретают праксиологическую эффективность при соблюдении условия, в соответствии с которым в статусах субъекта и контрсубъекта (лица, наделенного в рамках конкретных отношений властью, и, соответственно, подвластного) предусматриваются взаимные права и обязанности (как активные, так и пассивные).

Показательно, что в государствах Европы, считающихся в рассматриваемом ключе прогрессивными, до принятия Французской декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. официально существовали и государственно-доктринально превалировали лишь права и различные привилегии государственных органов, должностных лиц и корпораций, в то время как институт прав граждан находил свое выражение не в форме субъективных прав, а через некоторые обязанности государства. Только с указанного момента в концепции субъективных прав и их реализации произошел, считаем, знаковый переход от понимания последних исключительно как прав властвующих к их трактовке в качестве гарантированных государством прав человека и гражданина.

Отметим, что в правовой теории выработана концепция «субъективного публичного права». В качестве цели введения в оборот подобной научной конструкции видится попытка определения пределов, устанавливающих в отношении власти государства, в целом, и государственно-властных субъектов, в частности, публичными прерогативами субъекта правовых отношений с государством, отдельного члена социума. В рамках данной работы нами не ставится задача подробного раскрытия и комплексного анализа содержательных элементов подобного рода понятий. Однако считаем необходимым особо подчеркнуть тот факт, что разработки, имеющиеся по соответствующему предмету, говорят о длящихся попытках ученых нахождения и обоснования оптимального баланса в сфере деятельности субъектов публичной власти, личностных и общественных интересов. Соответственно, и понятие субъективных публичных прав, полагаем, может быть расценено в качестве значимого методологического приема, который может способствовать решению обозначенной, в значительной степени фундаментальной, проблемы.

А.Б. Зеленцов в изложенной им концепции [8] обращает внимание на несовпадение субъективных публичных прав частных лиц с обязанностями по их осуществлению. К примеру, избирательное право (в субъективном смысле) ни в коем случае не наделяет его обладателя обязанностью участвовать в избирательном процессе. Данное право коррелируется лишь с обязанностью государства, его органов и должностных лиц создания всех необходимых условий для его воплощения в объективную реальность и, соответственно, непротивостояния его реализации. Кроме этого, что касается органов публичной власти и их представителей, не все права, формально им принадлежащие, совпадают и практически совмещены с их обязанностями. Ярким примером в данном контексте выступают так называемые дискреционные полномочия. В их отношении закон лишь определяет соответствующие рамки, жестко объективным правом они не связаны. Кроме этого, законодательно закрепленной обязанности публичных властных субъектов производить какие-либо действия в публичных интересах, чаще всего, соответствует правомочие лиц частных на подобные действия. Также автор замечает, что в публичных правоотношениях прямая, непосредственная коррелятивная связь между правами и обязанностями может и отсутствовать, что обу-

словлено особенностями некоторых статусных прав, носящих, по сути, декларативный характер, и которые сущностно ближе к некой форме законных интересов, нежели к субъективным правам (к примеру, многие социально-экономические права). С этим утверждением, в целом, можно согласиться.

Стоит заметить, что в отечественной государственно-правовой науке конца XIX – начала XX вв. большинство авторов высказывали идею о наличии самостоятельного правового феномена субъективных публичных прав наряду с юридическими обязанностями в публичной сфере, основываясь при этом на концепции разграничения прав частных лиц и прав органов государства в области публичного управления. В данном контексте авторы обозначенного периода в публичном праве выделяли «права властвования» и «права свободы». К первым причислялись права, которыми обладают государство, его органы и должностные лица в отношении частных субъектов. Такие правомочия считались достаточно жестко связанными с обязанностью их осуществления, поскольку субъектам публичной власти, как правило, не предоставлялась возможность свободно ими распоряжаться, а, напротив, они подлежали обязательному осуществлению, при этом носили императивный характер, были неотчуждаемы. Строгая обязанность по осуществлению прав властвования не допускает возможности освобождения подвластных (частных лиц) от исполнения принадлежащих им публично-правовых обязанностей, соотнесенных с такими правами, за исключением чрезвычайных случаев.

Что же касается «прав свободы», то к данной категории относили субъективные публичные права частных субъектов, которыми они наделены по отношению к государству. Эти права часто делили на две группы: права на участие в осуществлении государственной власти и права, включающие свободу от вмешательства государства в жизнь частных лиц.

Думается, сконструированная в свое время отечественными авторами система субъективных публичных прав, включающая права властвования и «права свободы», даже в современных условиях сохранила научно-практическую актуальность.

Также следует отметить, что введение в научный оборот критериев-признаков, на основании которых определяются субъективные публичные права, указывает на тщательную, скрупулезную проработку соответствующего подхода. К примеру, главным критерием, на основании которого определяется именно публично-правовая сущность индивидуализированных субъективных прав в конкретных правоотношениях, является критерий принадлежности таких прав частным лицам как субъектам публичного права в сфере их взаимодействия [9] с публичными властными субъектами – государственными органами и их должностными лицами. При этом не исключается и некоторое опосредование, например, в виду функционирования института адвокатуры [10].

Круг субъективных публичных прав частных лиц очень широк. К ним со всей уверенностью можно относить политические, личные права, комплекс социально-экономических и культурных прав в правовых отношениях или по поводу правоотношений с органами государства или муниципальными органами и должностными лицами, выступающими от их имени, как реализующими в соответствующих социальных связях свои полномочия субъектами публичной власти. Такие права и соответствующие властные полномочия закрепляются в публично-правовых нормах самых различных отраслей как материального, так и процессуального права, таких как конституционное право, налоговое, административное, уголовное, уголовно-процессуальное и пр.

Государственный орган (должностное лицо), выступающий обязательным участником властеотношений, опосредованных субъективными публичными правами, предстает в качестве власти не только повелевающей, но и правообязанной. В частности, осуществляемая в рамках публичных правоотношений реализация личных (гражданских) прав обрамлена гарантиями со стороны государства как на наличие данных прав, так и на их осуществление и защиту, в том числе посредством принятия рамочных и отраслевых законов и подзаконных нормативных правовых актов. При всем этом не следует забывать о том, что рассматриваемые права могут быть реализованы также и в рамках прямого действия соответствующих норм в публичной и частноправовой сферах.

2. Самоограничение государственной власти, детерминированное разделением ее на функциональные ветви.

Признано, что система разделения властей – есть детище концепции так называемой «смешанной конституции», сепарирующей исполнительную власть монархической системы правления и законодательную власть, принадлежащую народу. В таких условиях появляются предпосылки для генезиса и развития независимой судебной системы, в том числе конституционной юстиции [11], которая встает в один ряд с системами законодательной и исполнительной, и классическое разделение властей обретает три организационно-функциональные ветви, устанавливающие взаимный контроль в целях достижения баланса в государстве, которое предстает как общественно-

политическое достояние. В Новое время, восприняв и развив эти идеи, оформившиеся еще в античности, Джон Локк и Шарль Луи Монтескье взрастили из них один из столпов правового государства в современном его понимании. Для органа, который избирается народом и принимает общеобязательные абстрактные предписания (законы), недопустимым являются ассоциации с ним исполнительно-распорядительной власти и, тем более, прямая идентификация с последней. Воплощенная в системе исполнительных органов эта распорядительная власть вовне действует посредством индивидуальных и конкретных мер, регулирующих отдельный случай в качестве выражения признака конкретности, и мер, относящихся к четко определенному ряду субъектов. В случае наличия спорной ситуации в контексте того, верно ли реализует (выражает) принимаемый акт волю законодателя – ее разрешение находится в компетенции независимых судов.

Вторым европейским автором, работавшим на рубеже Средневековья и Нового времени над проблемой гарантий обеспечения свободы в рамках государства, был Монтескье, хотя, думается, оба ученых, скорее всего, заблуждались касательно образцовости уже сложившегося в Великобритании того времени разделения властей, обеспечивающего такую свободу. При четком правовом разделении государственной власти, первоначально понимаемой как абсолютно единой, на три ветви-части государственно-властный субъект получает умеренную государственность с достаточно твердыми гарантиями обеспечения свободы. Как результат – при оформлении всех каталогов основных прав и свобод их гарантированность становится не такой важной, как достижение той самой умеренной государственности, представляющей окончательной целью. Монтескье в своих суждениях настолько смел, что видел некую высшую и всеобщую свободу во взаимном блокировании ветвей власти, которое, возможно, в крайней своей форме может повлечь паралич активной государственности.

Если в известнейшем труде «О духе законов» (Монтескье, 1748 г.) наличие системы разделения властей еще отчетливо не представлялось в качестве одного из главных признаков правового государства (что, впрочем, неудивительно, ведь в научном обороте отсутствовал сам термин «правовое государство»), то в XIX в. в условиях конституционной монархии уже практически ни у кого не осталось в этом сомнений. Факт стал очевиден, поскольку санкция закона и контроль со стороны независимого суда стали неизменными спутниками вмешательства монарха в буржуазную сферу прав.

Примечательно, что государства с различными формами правления попытались в той или иной мере однозначно реализовать принцип разделения властей, однако, в итоге, как и следовало ожидать, получили определенные различия в указанной области. К примеру, если в предоставляющей президенту верховную исполнительную власть Конституции США разделение властей очерчено особенно четко, то в парламентских республиках вышеобозначенное разделение менее определено. В этой связи существенное значение приобретает юрисдикция и деятельность административных судов, отчасти восполняющая возможный недостаток ресурсов правового государства.

Еще со времени Великой французской революции горизонтальное разделение властей дополняется и сопровождается вертикальным, предполагающим учреждение под уровнем центрального государства особого уровня, именуемого «муниципальная власть». Хотя, справедливости ради отметим, что базовая идея, касающаяся данного уровня власти, появилась задолго до французской революции, подтверждением чему служит появление и развитие, в частности, в Германии, общин двух типов: городских и деревенских.

Итак, функционирование ветвей власти только лишь в рамках определенной сферы – это фундаментальное их предназначение в соответствии с принципом разделения властей. Государственный орган, относящийся к той или иной ветви власти, не может решать задачи (осуществлять полномочия) другой ветви, действует строго в рамках соответствующей компетенции. В этом ключе оформляется комплекс детерминированных ограничений. В частности, для органов законодательной власти юридически закреплена процедура законотворческого процесса, в том числе правовое регулирование его стадий. Для системы органов исполнительной власти характерны ограничения в рамках ведомственного нормотворчества, а также особые запреты на принятие ими правовых актов, вторгающихся в исключительно законодательный предмет правового регулирования. Солидаризируясь с А. В. Малько [1], здесь же отметим установленные законом сроки осуществления президентом своей власти, закрепленные процедуры отрешения от его от должности, выражения вотума недоверия правительству и пр.

Вместе с тем, в государственно-правовых системах, в которых юридически и фактически наличествует разграничение компетенции между органами, относящимися к различным ветвям власти, также имеется значительное количество «сдержек и противовесов». Однако следует ого-

вориться, что, признавая разграничение компетенции между высшими органами различных ветвей власти, государство может воплощать в жизнь принцип единства государственной власти, отрицая традиционное разделение властей (например, как это было в якобинской Франции, Советском Союзе) [12].

Перевесы либо ограничения представляются следствием взаимовлияния автономии решений и автономии существования. Если исполнительная власть имеет возможность законодательствовать в рамках определенного предмета, если она способна навязать свою волю власти законодательной, если последняя не может эффективно реализовать свою волю посредством законотворчества – не имеет значения, насколько «разграниченной» она является.

В рамках концепции «сдержек и противовесов» в текущем законодательстве государств нередко встречаются нормы, наделяющие полномочиями по принятию решений о создании отдельных судебных органов, о назначении судей (не имея возможности удалить в отставку этих судей) другие ветви власти. Хотя органы судебной власти в своей текущей деятельности, в целом, не зависят от властей законодательной и исполнительной, они все же действуют в рамках «правил игры», которые установлены другими ветвями. Аналогичные особенности можно усмотреть применительно к каждой из властных ветвей.

В современной России, являющейся федеративным государством, имеет место быть ограничение власти и по вертикали. Следует отметить, что отечественный федерализм, оформившийся в соответствии с ныне действующей Конституцией, в современный период становления российской государственности проходит важный этап своего развития. Пройдя продолжавшуюся веками фазу концептуальных поисков, многие десятилетия вербально-декларативного признания при почти полном отвержении на практике государственного строительства, сложнейший кардинальный переход к совершенно новой системе ценностей в условиях многонациональной страны, сегодня российский федерализм перешел на этап своего совершенствования.

Принципы правового государства предъявляют императивные требования непрерывного разграничения предметов ведения на всех этапах федеративного строительства в целях создания оптимального государственного устройства. Однако, учитывая, что правовое государство само в настоящее время находится на стадии развития, сделать все возможное для включения в процесс федерализации России полного спектра его ресурсов пока не удалось.

Процесс федерализации, безусловно, представляется фактором совершенствования правового государства, ибо все меры, служащие реализации федерализма, осуществляются в рамках правового поля [13]. Соответственно, разграничение между предметами ведения федерации и ее субъектов в такой же степени открывает возможности для развития правового государства, как и перфекционизм (не идеализм) в сфере разделения властей, в определении проблемных областей функционирования властных структур, компетенции органов и должностных лиц силовых ведомств. Более сложная ситуация, в том числе на практике, складывается с вопросами, касающимися предметов совместного ведения, которые еще длительное время будут вызывать споры, до тех пор, пока механизм федеративного устройства не обретет необходимую, стабильную инерцию.

Отметим, что определенной спецификой обладает влияние федеративных отношений на становление и развитие правового государства на региональном уровне.

В этом контексте часто заявляющей о себе представляется проблема постоянного, непрерывного совершенствования системы государственного разделения власти. Теоретически, на первый взгляд, будучи однажды нормативно урегулированной, соответствующая система априори приобретает постоянный, стабильный, устойчивый характер.

Однако, когда в развитии стремящегося в глобализирующемся мире стать полноценной федерацией многонационального государства наступает многоаспектный, мультифакторный переходный период, сопровождающийся трансформацией юридических форм государственной деятельности [14; 15; 16], положение дел меняется. Становление федеральной структуры, появление новых органов власти, общие социально-экономические метаморфозы – все это вызывает цепочку трансформаций в системах государственно-правовых принципов и институтов. В течение более чем двух последних десятилетий это прочувствовали на себе все без исключения субъекты Российской Федерации в отношении всех трех традиционных сфер власти.

3. Ограничения, адресованные государственным органам и их служащим, реализующим государственную власть.

Являющееся категорией абстрактной, государство реализует свои конкретные полномочия в рамках его органов специальными субъектами – соответствующими служащими. Ограничения, относящиеся к рассматриваемому уровню, нами относятся к разновидности процессуальных [17; 18; 19] в связи со специфичностью субъекта адресации и особенностями, связанными с содержанием

процессуально-правовой нормы [20]. Такие ограничения свойственны всем этапам развития процессуального права [21] и, в отличие от относящихся к двум вышерассмотренным уровням, носят конкретный, оперативный характер; в целях соответствия наличествующей ситуации подвержены постоянным модификациям; не имеют в государственно-правовой теории статуса аксиом (опять же, в отличие от признания, гарантий и защиты прав и свобод личности, принципа разделения властей), в связи с чем как в доктринальной сфере, так и на практике представляющиеся в высокой степени дискуссионными. При этом, полагаем, в прикладной деятельности именно они способны должным образом скорректировать пределы в деятельности субъектов публичной власти, несут в себе высокий антикоррупционный ресурс [22], поскольку направлены на конкретных участников правоотношений с предписанием необходимого варианта поведения и возможностью персонификации ответственности (юридической ответственности в широком ее понимании) [23; 24; 25] в каждом случае.

От того, насколько четко законодатель определил ограничения, адресованные представителям государственных структур, в значительной мере зависят характеристики эффективности их деятельности в рамках реализации полномочий, которыми наделены органы государственной власти, а также степень и качество воплощения принципа законности в принимаемых решениях и гарантированность соблюдения, защиты прав и свобод человека, гражданина и самих служащих. В качестве фундаментальной основы служебной деятельности представителя публичной власти должен быть закон, а не проявление субъективного фактора. Развитие профессионального правосознания в современной парадигме [26] видится нами именно в таком ключе.

Мы признаем положительным подход законодателя к оформлению системы ограничений, связанных, в частности, с государственной гражданской службой, в соответствующем федеральном законе. Их предназначение представляется в создании максимально приближенных к оптимальным условий для независимости государственных служащих от сторонних структур (как государственных, так и негосударственных), в недопущении возможных злоупотреблений различного рода, а также в обеспечении как можно более четкой их работы в целом. В общем виде можно считать соответствующие ограничения некими гарантиями должного осуществления служебной деятельности в сфере соблюдения публичного интереса [27].

Что же касается отдельных ограничений, относящихся к соответствующему уровню, и их видов, то здесь отметим, что они многочисленны, разнообразны, и что в теории права существует ряд подходов к их классификации, раскрытие которых не входит в задачи данной работы.

Таким образом, считаем обоснованным систему ограничений государственной власти представить в виде описанной конструкции, в которой уровень аксиологический видится детерминирующим, самоограничительный – опосредующим, а адресный – конкретизирующим.

Литература

1. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2004. 250 с.
2. Покровский И.А. История римского права. СПб, 1999. 560 с.
3. Makogon B.V., Markhgeym, M.V., Nikonova, L.I., Novikova A.E., Stus N.V. Constitutional prologue: versions of Eastern European states // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. Т. 7. С. 357-362.
4. Мархгейм М.В. Партийная версия интересов гражданского общества современной России // Власть. 2004. № 7. С. 41-47
5. Тонков Е.Е. Государство и гражданское общество в России: конфликт или диффузия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 118-124.
6. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2008. 383 с.
7. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2005. – 52 с.
8. Зеленцов А.Б. Субъективное публичное право. М., 2012. С. 40-60.
9. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.
10. Мархгейм М.В., Смоленский М.Б., Тонков Е.Е. Адвокатура в России: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим специальностям и направлениям / под общ. ред. М.Б. Смоленского. Москва, 2012. Сер. Бакалавриат (2-е изд., испр. и доп.).

11. Makogon B.V., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Nikonova, L.I., Stus, N.V. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Т. 7. № 2. С. 722-728.
12. Муравский В.А. Органическая концепция разделения властей // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 22-31.
13. But'ko L., Makogon B.V., Nifanov A.N., Poluhin O.N., Tychinin, S.V. Territory formalization in the constitutions of CIS countries // Amazonia Investiga. 2018. Т. 7. № 12. С. 187-193.
14. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.
15. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности: трансформация в условиях экономического кризиса // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 2-6
16. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности и функции государства: проблемы соотношения // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 1. С. 3-7.
17. Макогон Б.В. Юридическая природа и ограничительная сущность процессуального права // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 48-53
18. Макогон Б.В. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти. Монография. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2013. 164 с.
19. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. С. 395-401.
20. D'yachenko O.V., Kuksin I.N., Makogon B.V., Spektor L.A., Vladimirova, O.V. Restrictive-regulatory potential of procedural standard // Revista Publicando. Т. 5. № 14. С. 830-836.
21. Kutko V.V., Makogon B.V., Shishkin A.A., Vasekina, E.M., Goryachkovskaya Y.M. Procedural law development stages // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2018. Т. 8. С. 226-230.
22. Тонков Е.Е. Коррупция как признак криминализации власти // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 50-58;
23. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 6 (49). С. 74-80;
24. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.
25. Makogon B.V., Savel'eva, I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'yanov A.S. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions. // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. Т. 7. С. 328-332.
26. Nesmeyanova S.E., Ryabova T.V., Tkhabisimova L.A., Tsapko M.I., Makogon B.V. Modern Paradigms of Legal Understanding and the Development of Legal Consciousness in Supply Chain (Case Study of Russia) // International Journal of Supply Chain Management. 2018. Т. 7. № 5. С. 796-800.
27. Козбаненко В. А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное // Государство и право. 2003. № 1. С. 17.